

РАННИЕ ЖУРАВЛИ

Журавль – образ, который теперь, после великой песни Я.Френкеля и Р.Гамзатова, неизбежно ассоциируется с воинами, погибшими в праведной борьбе за отчужденную землю, за ее свободу, добро и свет на ней.

Писатель Ч. Айтматов продолжил этот образ, сказав о детях войны – «ранние журавли». Много детей в страшную военную пору улетело до времени маленькими журавликами – дети погибали под бомбежками, в оккупации, в лагерях смерти, просто от недоедания, холода, отсутствия нужного ухода...

Но и те, кто оставались живы, они тоже были «ранними журавлями», необратимо *«ранеными журавлями»*.

Чем, как они ранены? Они отравлены «ядом войны». А этот яд «делает человека контуженным на все сердце, на всю душу». Ребенок, рожденный любить весь мир, с наслаждением впитывать ответную, изливаемую на него, любовь, вдруг в одночасье лишается главного, что нужно ребенку для роста и развития – уверенности, что мир мудр, справедлив и прекрасен и что большие, взрослые, мудрые люди его защитят. Так чувствовал герой повести Ч.Айтматова, подросток Султанмурат: «Он чувствовал, что мир устроен так, как лучше не может быть. И что отец у него такой, лучше которого не может быть», «все было исполнено счастьем и красотой». И вот теперь ничего этого нет, «все довоенное – как иной мир».

Душа ребенка замирает и останавливается в недоумении и ужасе, летит в какую-то пропасть, как у героя повести В Астафьева «Где-то гремит война»: «Сон мне снился все время один и тот же: я летел и летел куда-то в темную бесконечную пропасть... И сердце устало, и весь я устал...».

В этом «оледенелом пространстве» душа ребенка ищет, за что зацепиться, чем утолится. Кто-то из этих подранков, «контуженных на все сердце», находил утешение в ненависти к тем, кто отнял у них тот самый «довоенный мир». Вспомним Ивана из повести В.Богомолова «Иван». Он еще совсем ребенок - и уши у него «маленькие, розовые, нежные», и спит он, как ребенок, «подложив ладошку под щеку», и при виде конфет его лицо «оживляется радостно, как это бывает у детей его возраста». Но это только на первый взгляд. А потом видишь, что лицо его «не по-детски сосредоточено» и «с морщинками на выпуклом лбу», и смотрит он «устало», и «угрюмость», «нервность» в нем постоянно вибрирует... «У него на уме одно: мстить до последнего! Ему ненависть душу жжет...».

Ненависть на войне нужный ресурс, она, наверное, помогает человеку переступить в себе естественную черту, не позволяющую посягать на чужую жизнь, стать прежде воином, а потом человеком. Но это во взрослом как-то укладывается, взрослый ум знает, как договариваться с совестью, находит нравственный баланс.

А ребенок? В повести Э.Веркина «Облачный полк» у партизанского командира Глебова больше половины отряда – пацаны-подростки. И они к отряду прибывают и потому что «отчаянно хотят отогреться и наесться, а еще больше хотят открыть, наконец, счет убитым фрицам». Главный герой, «дерзкий пацан Саныч», превращается в «бойца от бога», умеющего убивать «умело, профессионально». А командир Глебов все пытается между боями преподавать этим «бойцам от бога» школьную науку, потому что понимает - неправильно все это, «пацанва должна в школе сидеть... а воевать должны взрослые».

Ребенок, чтобы стать настоящим, правильным, надежным взрослым, должен пройти свой детский путь во всей его полноте и красоте, « ребенок должен расти, как дерево, нельзя резать ему верхушку» (Р.Погодин. « Дерево всех людей»). Великая печаль в том, что недобранное в детстве, потом никак не наверстаешь. Об этом стихотворение «раннего журавля», Валентина Берестова, которому в войну едва исполнилось 13-ть, стихотворение «Светлячок»:

У меня в руке мохнатый червячок,
Он везёт зеленоватый огонёк.
И зовут его ребята — светлячок.
Так свети же ярче, маленький! Свети!
Жаль, что в детстве не пришлось тебя найти!
Я сказал бы: «Это мой светлячок!»
Я бы взял тебя домой, светлячок.
Положил бы я тебя в коробок,
И уснуть бы я от радости не мог.
Потому ль я не нашёл тебя, что мать
Слишком вовремя укладывала спать?
Потому ли, что трусливым в детстве был
И по лесу вечерами не бродил?
Нет, бродил я, злым волшебникам назло.
Очевидно, мне тогда не повезло.
А потом пришёл пылающий июль.
Грохот взрывов. Блеск трассирующих пуль.
Покидая затемнённый городок,
Потянулись эшелоны на восток.
Потерял я детство где-то на пути...

Так свети же ярче, маленький! Свети!

Будем беречь каждое мгновение детства, будем помогать ребенку «слышать Бога в словах и поступках людей», будем вооружать ребенка знаниями о трудном пути человеческого, о поисках, героях и победах – «эти знания помогают не потерять надежду». А надежда нам очень нужна!